

О материальности сознания и о трансцендентальных кошках

«Диалектическое противоречие».
Москва, 1979, с. 252-271

Прав *В.Н. Порус*: проблема противоречия «не всегда формулировалась достаточно строго и определенно». Что так, то так, не всегда. Но, стало быть, иногда все же формулировалась? Тогда хотелось бы знать, кем и когда. И, главное, *как*?

Гегель, по его мнению, «третировал формальную логику» и выдавал формулу «*A* и *не-A*» за формулу «абсолютной истины», т.е. за логическую формулу *разрешения* всех и всяких научных проблем, между тем как И.С. Нарский, точка зрения которого расценивается как «заслуживающая внимания», истолковывает ее как формулу «постановки проблемы».

Всякий, кто знает Гегеля, сразу же увидит, что *В.Н. Порус* усмотрел противоречие там, где его нет, ибо именно Гегель и утверждал, что абстрактное выражение всякого противоречия (а «*A* и *не-A*» есть самое абстрактное его выражение) – только начало пути мышления, только исходный пункт его восхождения к конкретному пониманию, к «абсолютной истине».

Но идти от Гегеля вперед можно двумя путями. Один путь – путь *материалистического* переосмысления гегелевского учения о противоречии. Этот путь и избрали Маркс, Энгельс и Ленин. Другой путь – путь критического переосмысления гегелевской концепции с точки зрения постулатов формальной логики, путь формально-логической интерпретации гегелевской диалектики. Но ведь это разные вещи. Естественно, что и результаты оказываются разными. Более того, противоположными, противоречащими друг другу.

Попытаемся же выявить это действительное разногласие («противоречие»), освободив его от словесных «капсул». Чтобы не быть голословными, возьмем для анализа пример, приводимый самим *В.Н. Порусом*, – «антиномию-проблему», сформулированную К. Марксом в «Капитале» («капитал не может возникнуть из обращения и в то же время вне обращения»).

Согласно *В.Н. Порусу*, эта «конъюнкция высказываний» хотя и включает в себе все формальные признаки «логического противоречия», ситуации «*A* и *не-A*», тем не менее *не есть* логическое противоречие. Если вы анализируете эту ситуацию с точки зрения формальной логики, то вы не имеете права на такое высказывание. Вы обязаны четко и ясно сказать: есть тут формальное противоречие или нет его? А то получается, все формальные признаки логического противоречия налицо, а никакого логического противоречия нету. А что же тогда есть?

Есть «противоречивая форма записи проблемы», характерная, как утверждает *В.Н. Порус*, вовсе не для К. Маркса, а для «буржуазной науки». У Маркса эта неправильная форма записи фигурирует лишь в качестве «необязательного риторического приема». Проблема сформулирована в виде противоречия, в виде антиномии только потому, что Маркс при этом пользовался «неуточненными, а потому совпадающими предикатами». Зачем же он это делал?

Делая это, т.е. формулируя проблему *неправильно*, «он уже знал ее разрешение и вкладывал в термины «возникает» и «обращение» соответствующие этому разрешению смыслы, хотя для читателя эти смыслы делаются явными только позднее»¹.

Вся беда, стало быть, в том, что К. Маркс вслед за «буржуазной наукой» намеренно использует один и тот же «термин» то в одном, то в другом «смысле», т.е. намеренно нарушает элементарное требование элементарной логики.

Если бы Маркс с самого начала пользовался «уточненными предикатами», полагает В.Н. Порус, то он записал бы проблему вот так: «Капитал возникает в обращении в том смысле, что обращение является необходимым условием его возникновения, и капитал не возникает исключительно в обращении в том смысле, что последнее не является достаточным условием его возникновения»². Видите, как просто решается проблема-антиномия, о которую «сломала себе шею» буржуазная, т.е. классическая, трудовая теория стоимости, теория Смита – Рикардо!

К. Маркс действительно формулирует в виде «антиномии» центральную проблему, на которой потерпела крушение трудовая теория стоимости в ее буржуазном варианте, т.е. произошло разложение рикардианской школы. Школа эта полагала, что единственным источником стоимости (а стало быть и капитала) является *труд* и только труд, а никак не «обращение».

Отсюда-то – из совершенно правильной теоретической констатации объективного факта – и возникали все трудности, и прежде всего противоречие между понятием стоимости вообще и понятием *прибавочной* стоимости («прибыли», как ее именовали рикардианцы). Противоречие между «родом» и его собственным «видом», если выразиться языком формальной логики. Противоречие между законом стоимости, верно понятым как закон обмена эквивалентов, и столь же бесспорно реальным фактом «прибыли», очевидным фактом (законом) *самовозрастания* стоимости капитала, *опровергающим* этот закон, противоречащим ему.

Вот это-то «теоретическое противоречие», отражавшее действительную антиномию между товарно-денежным производством и тем же товарно-денежным производством, развившимся и постоянно развивающимся в *капиталистическое* производство, и притом с необходимостью, заложенной в природе товарно-денежных отношений между людьми, и было сформулировано предельно кратко, предельно остро и предельно абстрактно в виде «конъюнкции», занимающей В.Н. Поруса.

Как возможен капитал, если закон стоимости всеобщ, т.е. если он управляет не только «обращением», а и всем производством во всей его «тотальности»? Вот в чем вопрос. Вопрос, если угодно, «онтологического» плана, а вовсе не «гносеологического» только.

Формула «капитал возникает и не возникает в обращении» есть самое краткое и самое абстрактное, а потому именно – самое точное общее выражение реального противоречия развития системы отношений между людьми, именуемой капитализмом, теоретически правильное выражение реальной антиномии, а не «недозволенная конъюнкция», в составе коей один и тот же термин употребляется нечаянно или намеренно «в разных смыслах», «в разных отношениях».

Именно поэтому указанная антиномия и имела (точнее, обрела благодаря сознательному диалектическому ее пониманию у К. Маркса) эвристический, т.е. верно ориентирующий

логику исследования, смысл. Это – грамотно, точным языком научной политэкономии выраженное реальное противоречие, в развертывании коего и *возникает* капитал, капитализм, система наемного труда, решающее противоречие его *возникновения*.

И К. Маркс был первым и единственным, кто его разрешил, именно потому, что первым правильно его сформулировал.

К. Маркс специально подчеркивал, что сформулированная антиномия теоретически разрешается только в том случае, если теоретическое развитие мысли будет строжайшим образом следовать шаг за шагом по тому пути, по которому идет реальный *возникающий* капиталист – «персонифицированный капитал». Как, при каком условии будущий капиталист, т.е. еще не капиталист, а лишь «личинка капиталиста», сможет превратиться в действительно капиталиста? Как вообще возможно возникновение капитала из не-капитала, из суммы его необходимых предпосылок?

Вопрос именно в этом, а не в «уточнении неуточненных предикатов». В том, чтобы совершенно точными словами («терминами») обрисовать ход действительного процесса возникновения капитала (капиталиста). Именно это К. Маркс и делает.

В реальности, в действиях с реальными вещами (а вовсе не с терминами «языка науки») сформулированная в виде антиномии проблема решается одним-единственным способом – если реальному агенту товарно-денежного производства (а стало быть, и теоретику, осмысливающему его мир и его действия) «посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созиданием стоимости»³. Этот оригинальный товар можно купить только на рынке, только в сфере *обращения* в самом точном и строгом смысле термина «обращение». И если такой товар на рынке обнаруживается, то капитал и *возникает*. И опять-таки в самом точном, строгом и недвусмысленном значении слова «возникает».

Как не трудно убедиться, проблема, остро сформулированная К. Марксом, прямо указывает своим острием, *где* именно и *что* именно надо теоретику искать, чтобы увидеть и понять, как именно реальная антиномия разрешается в ходе реального развития реальных отношений между товаровладельцами-товаропроизводителями.

Такой товар на рынке найден. Тот единственный товар, путем купли и продажи коего разрешается фактическая антиномия – противоречие между законом товарно-денежного производства и законом капиталистического производства, между стоимостью и прибавочной стоимостью. Это – рабочая сила, способность к труду. А не «труд».

И это опять-таки никакой не процесс «уточнения неуточненных предикатов», а точное терминологическое выражение фактического процесса превращения одной формы отношений между людьми в другую, прямо противоположную ей по своей основной характеристике (которая в виде «антиномии» и была зафиксирована, была всем *известна* но до этого не была еще *понята*, т.е. не была еще «схвачена в понятии», в *понимании существа дела*).

Вот это и есть типичнейший пример применения диалектики в качестве логики. Эта *логика* ясно очерчивает путь исследования: от остроантиномичного абстрактного выражения реального противоречия к его конкретному пониманию, к выявлению процесса, в ходе коего

это противоречие разрешается. Это – *материалистически* переосмысленная гегелевская логика в действии. Логика автора «Капитала».

А теперь посмотрим, на какие «логические» действия ориентирует *формально-логическое* переосмысление гегелевской логики. Какой путь «разрешения» антиномии-проблемы оно рекомендует?

Прежде всего – лишить формулировку реального противоречия ее антиномической остроты, уничтожить неприятную ситуацию «*A* и *не-A*». Делается это путем вербальной манипуляции с термином «обращение», с термином «возникает» и со всеми прочими терминами. «Антиномия» в редакции Маркса прямо указывала своим логическим острием на цель: надо искать *на рынке* товар с теоретически-заданным свойством – способностью производить новую стоимость. Куда «указывает» антиномия в этой редакции? Никуда. Поскольку в результате, чисто вербальных манипуляций у нее обломано ее логическое острие, постольку она «указывает» во все стороны сразу – не только на рынок (не только на сферу «обращения»), а и на сферу производства, и на сферу потребления, и на сферу распределения. Куда угодно. Только не туда, где *на самом деле* таится секрет «возникновения» *капиталистического* отношения между людьми. Только не на «рынок», только не на «рыночную» форму этих отношений. Да, конечно, «рынок» (сферу обращения) тоже надо «иметь в виду», но зачем же искать только там ответ задачи, зачем не поискать и в сфере производства, в сфере потребления.

Вместе с антиномической остротой формулировки исчезла и сама проблема. Запрет, налагаемый старой (догегелевской) логикой на «конъюнкцию противоречивых высказываний», соблюден. Но какой ценой? Ценой придания научным терминам двусмысленности («обращение в одном смысле, обращение в другом смысле...»).

Вместо строго логичного процесса развития понятий (понимания существа дела) – бесконечное «уточнение» предикатов, терминов, лишенное какого бы то ни было отношения к реальному процессу исследования реального процесса развития объективного – «онтологического» (экономического) – противоречия.

Теперь мы можем подытожить *действительное противоречие* между материалистически переосмысленной гегелевской логикой, примененной в «Капитале», и ее формально-логической интерпретацией.

Первая рекомендует четко и с максимальной остротой фиксировать реальные противоположности в составе исследуемого предмета, пользуясь при этом максимально «уточненными» терминами, т.е. доводить «описание» реального противоречия (единства противоположностей) до остроты антиномии, формула коей есть именно «*A* и *не-A*», а затем исследовать тот, реальный же, процесс, посредством которого эти противоположности *превращаются* одна в другую, т.е. выражать в языке вашей науки *переход* «*A*» – в *не-A*», или «*не-A*» – в «*A*». Скажем, неживой материи – в живую, немыслящей материи – в материю мыслящую, рыночного хозяйства – в хозяйство капиталистическое, капиталистического производства – в социализм, переход, совершающийся, как известно, «посредством» революции, этого подлинно-диалектического акта. Этот путь и рекомендует диалектика как логика.

При этом рекомендуется не забывать, что противоположности, друг в друга превращающиеся, не перестают быть противоположностями и после того, как между ними обнаружен переход. Не-живое («*не-A*») остается неживым и после того, как из него

«возникло» живое («А»). И в составе конкретного понимания возникновения жизни из неживой материи вы обязаны по-прежнему называть живое живым, а неживое – неживым. Так что в составе «конъюнкции А и не-А» словечко «и» означает попросту *еще не понятый вами переход* одного в другое, хотя и одно, и другое поняты уже как *противоположности* и терминологически зафиксированы именно как противоположности внутри одного и того же – а именно исследуемого вами – предмета.

А что рекомендует нам вышеупомянутая «логика» разрешения «противоречий»? Нечто прямо обратное.

Она рекомендует с помощью чисто вербальных операций замазывать противоречие и там, где оно уже выявлено, уже остро зафиксировано, но еще не нашло своего конкретно-научного разрешения. Рецепт таков: если такое противоречие в науке появилось, то оно должно быть любыми средствами из теоретического выражения устранено и объяснено как следствие того факта, что один и тот же термин до сих пор использовался «в разных смыслах», «в разных отношениях».

Но поскольку всякое *еще не разрешенное наукой* противоречие необходимо обретает форму антиномии, необходимо (и совершенно правильно) выражается в логической форме «А и не-А», постольку все старания тут направляются на порчу *правильного* логического выражения этого еще не разрешенного противоречия. Ибо считается, что антиномия (формула которой именно «А и не-А») ни в коем случае не может быть правильным выражением реальной, объективной («онтологической») антиномии, реального противоречия. Поэтому любое выявившееся в ходе развития науки противоречие во что бы то ни стало следует словесно переиначивать до тех пор, пока оно не перестанет быть противоречием. Это и должно быть обеспечено техникой «уточнения неуточненных предикатов».

Мы вовсе не против «уточнения терминов», но только там, где эти термины действительно употребляются неточно, неправильно, т.е. вопреки их исторически сложившемуся смыслу и значению. Но мы против «уточнения», способ которого сводится к совершенно произвольному изменению *правильных* названий и есть на самом деле лишь способ разложения «смысла термина», имеющего в наличном языке науки вполне однозначные характеристики, на два, на десять, на сорок «разных смыслов».

Мы видели, к чему приводит эта логическая техника в толковании терминов «обращение» и «возникает», – исключительно к словесному замазыванию остро и правильно сформулированного наукой реального противоречия процесса возникновения капитала. Но точно такой же словесный туман, в котором нельзя уже рассмотреть ни противоречий, ни тем более путей их разрешения, – туман, в котором все кошки трансцендентально-серы, эта логика напускает на любой предмет, попадающий в сферу ее внимания.

Вот, например, как начинает выглядеть, будучи выражена в ее категориях и терминах, проблема отношения *сознания и материи*, или – в другом выражении – отношения материального и идеального. Это, как известно, четкие противоположности. Сознание в точном и строгом смысле этого «слова» не материально, т.е. идеально, и говорить о том, что сознание *материально*, не допускается, ибо, как подчеркивал В.И. Ленин, это ведет к стиранию разницы (и противоположности) материализма и идеализма.

По мнению И.С. Нарского, вполне правомерно говорить о *материальности* сознания и даже конструировать «антиномию-проблему», чтобы затем демонстрировать на ней преимущества такого способа «диалектического разрешения» всех антиномий: «Сознание материально и не материально, т.е. идеально... Сознание идеально и по форме и по содержанию, если иметь в виду, во-первых, его психическую форму, соотношенную с познаваемым (отражаемым) материальным содержанием (содержанием материального мира как объекта отражения), и, во-вторых, сознаваемое содержание сознания. Под последним *имеется в виду* то специфическое, без чего сознание перестает быть сознанием и что соотносится с его материальным генезисом, выражающимся в нейроструктурах.

Сознание материально и по форме и по содержанию, если иметь в виду другую пару из только что намеченных сопоставлений»⁴.

Ну, разумеется, если под «сознанием» *иметь в виду* не сознание, а что-то совсем другое (что именно – тут прямо не говорится, но можно догадываться, что это *материальный мир* как «сознаваемое содержание сознания» и *нейроструктуры* как его «форма»), то это «сознание» придется квалифицировать как материальное. Точно так же материальный мир, включая нейроструктуры, придется назвать идеальным (нематериальным), *если иметь в виду* мир как «сознаваемое содержание сознания», как представление.

Но ведь с таким же точно правом можно *иметь в виду* под словом «кошка» не кошку, а, к примеру, трансцендентальную апперцепцию или *воображаемую*, трансцендентальную кошку.

В том-то и заключается беда этой концепции противоречия, что она позволяет под одним и тем же словом *иметь в виду* все, что заблагорассудится. И не пытайтесь уличать сторонника этой концепции в «противоречиях», он всякий раз объяснит, что *имел в виду* совсем не то, что говорил, употребляя термины «в ином смысле», «в разных отношениях», «в другой паре сопоставлений».

Мы думаем, что кошку лучше всего называть «кошкой», а трансцендентальную апперцепцию – трансцендентальной апперцепцией, ибо слова эти как в быту, так и в «языке науки» имеют достаточно определенный «смысл», а точнее, значение, с которым не следует обращаться слишком уж вольно. Думаем, что именно в этом и заключается «рациональное зерно» формально-логического запрета противоречия и весь парадокс состоит в том, что именно этот запрет в его рациональном смысле приходится защищать от тех самых его сторонников, которые сначала придают ему абсолютный – не знающий никаких исключений – смысл, а потом сами же вынуждены его преступить.

Поэтому-то мы и видим себя вынужденными категорически возражать против той концепции «противоречия», представителем которой выступает в нашем диспуте В.Н. Порус. Эта концепция, объясняя любую антиномию, возникающую в «языке науки», двусмысленностью (или многосмысленностью) употребляемых терминов, наличием «неуточненных, а потому совпадающих предикатов», в то же самое время широко открывает ворота именно использованию терминов «в ином смысле», нежели общепринятый. Диалектическое учение о противоречии и о формах его выражения в «языке науки» превращается в обоснование произвольного манипулирования «разными смыслами» слов, а искусство мыслить диалектически объективные противоречия подменяется чисто лингвистической ловкостью.

Мы думаем, что рекомендации, которые вытекают из рассмотренной нами концепции «противоречия», нацеливают на изменение правильных названий вещей, т.е. на замену их неправильными. А в науке всегда найдутся те, кто старается «отделаться от трудностей, заключающихся в противоречивых определениях самих вещей, и объявляет эти трудности продуктами рефлексии или спором о словесных определениях»⁵.

Это старый и испытанный способ избавляться от противоречий в словесно-терминологическом выражении действительности, в определениях понятий (т.е. в составе *понимания существа дела*), объясняя их возникновение «чисто семантическими» причинами.

Маркс в IV томе «Капитала» приводит характернейшую выдержку из книги, изданной в 1821 г., где все дискуссии по поводу теоретического определения стоимости в связи с определением капитала толкуются как «споры о словах»: «Основная мысль этого сочинения сводится к утверждению, что “споры... проистекают исключительно из того, что различные лица употребляют слова в разных смыслах, т.е. из того, что спорящие, подобно рыцарям в сказке, смотрят на разные стороны щита”»⁶.

Само собой понятно, что при таком толковании природы и происхождения теоретических противоречий «реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз», «с помощью *словесной фикции*, путем изменения *vera rerum vocabula*»⁷, т.е. «правильных наименований вещей».

На этом мы, по-видимому, и можем поставить точку в нашем споре с *В.Н. Порусом*, точнее, с представляемой им концепцией. Мы можем лишь констатировать, что *В.Н. Порус* стал оспаривать скорее изложенное нами понимание предмета логики вообще, нежели наше понимание противоречия. Но понимание предмета логики вообще и не являлось непосредственным предметом данной книги-диспута, а потому спор по этому вопросу нам придется отложить для более подходящего случая. То же самое мы вынуждены сказать и по поводу сомнения, высказанного *Г.С. Батищевым* в адрес нашего толкования статуса формальной логики и ее отношения к математической логике. Конечно, это тоже важный и достойный обсуждения вопрос, но все же другой.

Иначе обстоит дело с вопросом, поднятым *Б.М. Кедровым* в связи с моим утверждением, что анализ ни в коем случае нельзя рассматривать как особую, по существу и во времени предшествующую синтезу, стадию научного развития. Да, я действительно думаю, что эти «противоположности» (анализ и синтез), по существу, на деле, никогда не обособляются друг от друга так, что одна предшествует другой и создает для нее необходимые предпосылки.

Хотя это и не побуждает меня к спору о единстве противоположностей в общей форме, однако отношение «анализ – синтез» есть достаточно типичный случай единства формально-противоположных форм движения мышления (и не только мышления), а потому он дает достаточный повод для размышления и в самой общей форме.

Б.М. Кедров не сомневается в том, что на высших исторических ступенях развития науки отношение между анализом и синтезом примерно таково, каким я старался изобразить его в ряде случаев, в том числе и в процитированных им выдержках. В истории науки – особенно на ее начальной стадии – дело выглядит, считает он, не так. Там явно превалирует (и вовсе не по недомыслию ученых, конечно, а в силу объективной логики развития знаний) анализ. И *Б.М. Кедров* приводит в подтверждение этого несколько достаточно красноречивых

примеров. Тезис, который он противопоставляет моему, гласит: в истории развития знания анализ все-таки предшествует синтезу, подготавливая для него почву и материал: «Хорошо известно из истории науки, что, прежде чем начать синтезировать, т.е. связывать воедино разьединенные ранее части целого, ученые сначала довольно долго, многими десятилетиями, а то и веками, учились правильно анализировать вещи и явления, т.е. развязывать связанное, разделять, разлагать целое на его части, вычленять отдельные стороны из предмета исследования. Значит, формула “сначала анализ – а потом синтез” не лишена в какой-то степени исторического и логического оправдания»⁸.

Против этого факта из истории науки как такового, как вообще против факта, спорить было бы нелепо. И все же мне кажется, что этот факт не может служить доводом против моего тезиса. Дело в том, что те самые примеры, которые *Б.М. Кедров* приводит в обоснование своей правоты, нетрудно обернуть против его общего утверждения, в доказательство антитезы его положению, – использовать как довод в пользу того, что «сначала синтез – а потом уже анализ».

Если сослаться на химию и ее историю, то известно не менее хорошо, что, прежде чем химики XVI-XVII столетий научились вообще выделять в составе достаточно сложных веществ их составные элементы, люди (и не только предшественники химиков – алхимики, а и многочисленные труженики, на практике использовавшие массу химических соединений) достаточно хорошо «изучили» именно «синтетические» свойства тысяч соединений, даже не подозревая об их «синтетической» природе. Люди хорошо знали свойства поваренной соли задолго до того, как выяснили, что она состоит из хлора и натрия.

И Кант в этом обстоятельстве увидел исторический довод в пользу логического тезиса, прямо обратного тому, который защищает *Б.М. Кедров*. А именно – Кант именно синтез посчитал первоначальной «логической» операцией рассудка: «Там, где рассудок ничего предварительно не соединил, там ему нечего и разделять...»

Я не склонен становиться в данном случае ни на сторону тезиса (утверждение И. Канта, согласно которому «сначала синтез – а потом уж анализ»), ни на сторону антитезиса (утверждение *Б.М. Кедрова*, что «сначала анализ – а потом синтез»). Я думал и продолжаю думать, что и тут вопрос не о выборе между тезисом и антитезисом, а в понимании «аналитического» и «синтетического» аспектов мышления как с самого начала и до самого конца взаимно предполагающих внутренних противоположностей.

Думаю, что как логическое положение – впервые четко сформулированное Гегелем в его полемике против кантовского членения операций рассудка на аналитические и синтетические – это положение остается верным и при материалистической трактовке диалектики анализа и синтеза.

Другое дело, что в истории познания мы сплошь и рядом встречаем периоды полного засилья «аналитического» подхода (не чаще, впрочем, чем периоды столь же полного увлечения «синтетическим», «целостным», «интегрирующим» подходом). Однако при сколько-нибудь более конкретном и внимательном рассмотрении оказывается, что люди как односторонне-аналитического, так и односторонне-синтетического увлечения ума просто-напросто не отдают себе сознательного отчета в тех предпосылках, коими исподтишка управляется их ум. Аналитики склонны забывать, что цель их работы задана им предшествующей «синтетической» работой их предшественников. Тот же грех, только с обратным знаком, совершают энтузиасты «синтеза», забывающие поблагодарить своих предшественников за «кирпичи», за стройматериал своей работы.

Я думаю, что наш спор с *Б.М. Кедровым* можно предварительно решить так: его утверждение касается сознательных логических установок ученых целых эпох и потому имеет как известное историческое, так и известное (хотя и одностороннее) логическое основание. Да, и Р. Бойль, и А. Лавуазье, и все те теоретики, о которых упоминает *Б.М. Кедров*, занимались преимущественно аналитической работой, анализ был их главным, магистральным умонастроением, их сознательным руководящим логическим принципом. Но нужен был «аналитический» взор Канта, чтобы разглядеть тот не менее бесспорный исторический факт, что, «где рассудок предварительно не соединил, там ему нечего и разлагать».

Вот этого-то аспекта своего собственного «рассудка» ни Бойль, ни Лавуазье не осознавали, не отдавали себе в нем сколько-нибудь ясного логического отчета. А «синтетический момент» тем не менее властно управлял их собственным умом как вполне объективный (хоть и не осознававшийся) логический принцип, как цель, как закон, и именно логический закон. А ведь задачей диалектической логики является именно выявление таких объективных логических форм мышления, которые управляют совокупным процессом мышления ученых даже при том условии, что ни один из них этого и не сознает. «Не сознает» – значит тут не отдает себе в том отчета в адекватных, отработанных философией, логических понятиях, в логических категориях, или, вернее, отдает себе в том неверный, неточный отчет, осознавая то, что он на самом деле делает, в обыденных понятиях. Или – что случается еще чаще – в понятиях, усвоенных им из плохой школьной философии. А. Эйнштейн в своих теоретических построениях был все-таки «умнее» (диалектичнее), чем та философия, которую он в молодости сознательно исповедовал. Вопрос же, оставшийся вопросом, состоит, кажется, в следующем: не рискованно ли, когда речь заходит о «парных» диалектических категориях (будь то анализ – синтез, случайность – необходимость, всеобщее – единичное и т.д. и т.п.) спрашивать «что прежде, а что потом»?

¹ Нарский И.С. Проблема противоречия в диалектической логике. Москва, 1969, с. 27.

² Настоящее издание, с. 169.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 177-178

⁴ Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания, с. 74.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 26, ч. III, с. 133.

⁶ Там же, с. 109.

⁷ Там же, с. 85.

⁸ Настоящее издание, с. 26.